

СТУДЕНЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ ВИЛЕНСКОГО УНИВЕРСИТЕТА И ПОЛЬСКИЕ ВЛАСТИ В МЕЖВОЕННЫЙ ПЕРИОД

В.И. КРИВУТЬ

*Барановичский государственный университет,
г. Барановичи, Республика Беларусь*

Введение. Виленский университет имени С. Батория (УСБ) являлся единственным полноправным вузом на территории Западной Беларуси в межвоенный период. Именно поэтому общественно–политические процессы, происходившие на его территории, в том числе развитие местного студенческого движения, а также деятельность властей в студенческой среде представляют значительный интерес и актуальность при изучении истории западно–белорусского региона в 1920 – 1930–х гг.

К сожалению, данная проблематика до сих пор не нашла должного отражения в отечественной историографии, которая долгое время основное внимание уделяла лишь деятельности среди виленских студентов и молодой интеллигенции коммунистического подполья и прокоммунистического Союза студенческой левицы «Фронт» [1]. Помимо этого, в последнее время вышел ряд работ, посвященных возникновению и развитию белорусских студенческих организаций УСБ [2, 3]. В результате история остального, достаточно широкого, спектра студенческих объединений УСБ, а также борьба правящих кругов 2–й Речи Посполитой за влияние на студенчество до сих пор все еще остаются малоизученными.

Что касается польской историографии, то данная проблематика нашла в ней более полное отражение. Среди наиболее значительных работ польских историков следует назвать монографии Е. Филипайтиса [4] и А. Пильха [5]. Однако первое из этих исследований посвящено в основном деятельности прокоммунистического виленского студенчества, хотя и рассматривает некоторые аспекты правительственной политики в сфере высшей школы. Более подробно развитие всего студенческого движения во 2–й РП и его противостояние с властями освещается в работе А. Пильха. Но автор не уделяет должного внимания специфике именно УСБ.

Целью данной статьи является характеристика взаимоотношений, складывавшихся между студенческим движением Виленского университета и польскими властями, стремившимися поставить это движение под свой контроль. Это позволит только составить объективную картину активности официальных кругов в молодежной среде западно–белорусского региона, но и дать более целостное представление об общественно–политической жизни Западной Беларуси в межвоенный период.

Студенческое движение УСБ и условия его развития.

Официальные польские власти, особенно санационный режим, установившийся во 2–й Речи Посполитой с мая 1926 г., вели активную борьбу за контроль над студенческой молодёжью и её объединениями. В Западной Беларуси ареной этой борьбы стал Виленский университет имени С. Батория, где, как и в других вузах 2–й РП, действовало много организаций различного типа. Сначала их деятельность регулировалась принятым сеймом в 1920 г. «Законом об академических школах».

Закон предоставлял студентам право создавать союзы и корпорации в каждом университете. Эти организации не могли иметь каких–либо политических целей. Действительными членами студенческих объединений могли быть только студенты и преподаватели. Бывшие студенты могли быть членами корпораций, а поскольку существовал ещё институт почётных членов, то выпускники фактически могли участвовать в деятельности и других студенческих объединений. Закон разрешал и создание межуниверситетских студенческих объединений, над которыми осуществляло надзор министерство религиозных вероисповеданий и общественного просвещения. Опека над союзами, действовавшими на территории отдельных вузов, была закреплена за ректорами и университетскими сенатами. Эта опека не была строго регламентирована, и студенческие организации пользовались широкой самостоятельностью.

Самостоятельность усиливалось академической автономией. Например, академические объединения не подлежали общим полицейским предписаниям, касающимся объединений и собраний. Надзор за такими собраниями осуществляли университетские власти, посылавшие своего предста-

вителя на студенческие митинги. Но закон оговаривал, что студенческие собрания должны рассматривать только вопросы, касающиеся университетской жизни [6, с. 276 – 277].

Наиболее массовым объединением в УСБ был «Братняк» – Братская помощь (БП). Главной целью организации было оказание прямой и опосредованной помощи своим членам [7, л. 9]. Она охватывала в основном студентов–поляков и на начало 1930–х гг. насчитывала 2 318 человек [4, с. 9 – 10]. Среди евреев аналогичную деятельность вело Объединение взаимной помощи студентов–евреев. Также в университете действовал ряд малочисленных национальных студенческих организаций – союзы белорусских, литовских и украинских студентов. Кроме национальных в УСБ активно действовали и региональные союзы студентов, выходцев из Гродно, Белостока, Новогрудка, Новой Вилейки, Ломжи.

Помимо этого в УСБ действовали и так называемые «идейно–воспитательные» студенческие организации, связанные с политическими партиями тогдашнего польского государства. Так, под влиянием Польской социалистической партии (ППС) находился Союз независимой социалистической молодежи. С коммунистическим подпольем был связан уже упоминавшийся выше Союз студенческой левицы «Фронт». На клерикальных позициях стояло Объединение католической академической молодежи «Возрождение». Сторонники правящего санационного режима были представлены такими организациями, как Союз польской демократической молодежи (СПДМ), Легион молодых (ЛМ) и «Державная мысль».

Заметное место в студенческом движении УСБ занимали и научные кружки, созданные фактически на каждом факультете. Причем параллельно существовали научные кружки для нееврейских и еврейских студентов.

Но ведущую роль в студенческой среде играли «эндеки», сторонники польских националистов из партии Национальной Демократии. Проводником их влияния стала организация «Всепольская молодёжь» (ВМ). Численно она была невелика – в УСБ в начале 1930–х гг. насчитывалось около 70 её официальных членов. Но при этом влияние данного объединения было преобладающим – в Виленском университете на стороне ВМ выступало от 1/3 до 1/2 всех студентов. Это было меньше, чем в других университетах из–за большого процента студентов–представителей национальных меньшинств [5, с. 25].

Влияние ВМ обеспечивалось благодаря работе тайной, «внутренней» организации «Зет». Её ячейки существовали практически в каждом вузе 2–й РП. Вузовская группа делилась на секции, главной из которых была политическая. Задачей этой секции было руководство политической деятельностью в студенческой среде. Кроме того, существовала секция для руководства другими молодёжными организациями. Руководитель «группы зетовой» назначался сверху, причём стать им мог только мужчина. Женщины вообще не могли принадлежать к «Зету» [8, с. 25 – 26].

Польские националисты играли ведущую роль в «Братняке». Под их влиянием находились и корпорации, элитарные студенческие организации. В Вильно ведущими эндеческими корпорациями были «Полония», «Леонидания» и «Батория». По их образцу возникли санационная «Пилсудия» и белорусская «Скориния» [4, с. 12].

ВМ была радикальной организацией, стоявшей в правой оппозиции к режиму санации. Идеологи националистов провозглашали примат Нации над Государством. Они отрицали либерально–демократичные принципы в пользу принципов иерархичности. В области внутренней политики ими выдвигался лозунг «Польша для поляков» и выступали за ассимиляцию славянских меньшинств.

Важной чертой идеологии ВМ был антисемитизм. Согласно их идейным декларациям, еврей не мог быть гражданином польского государства [9, с. 34]. Именно благодаря ВМ евреи были вытеснены из «Братской помощи». Кроме того, националисты выступали за сокращение количества студентов–евреев в вузах и за введение сегрегации, так называемого «гетто лавкового», предусматривавшего размещение евреев за отдельными партами в аудиториях. Они неоднократно становились инициаторами антиеврейских выступлений в вузах [10, с. 59].

Виленский университет на протяжении всего предвоенного десятилетия был арендой антисемитских выступлений, что свидетельствовало о влиянии ВМ среди студентов. В условиях Вильно эта борьба приобрела наибольшую остроту благодаря тому, что процент евреев был одним из самых значительных среди польских вузов (22,2 % против 6,9 % по стране в 1934/35 учебном году) [5, с. 12].

Первые антисемитские выступления начались на медицинском факультете из–за отказа еврейского кагала (общины) допускать вскрытие еврейских трупов в прозекторских. В ответ «эндеки» выдвинули лозунг «Для евреев – еврейские трупы». С 1931 г. столкновения между польскими

националистами и евреями стали обычным явлением в Виленском университете. В ноябре 1931 г. в такой драке погиб студент Вацлавский, ставший «героем борьбы за дело» среди польских националистов. После этого столкновения приобрели массовый характер. Во время драки около здания Объединения взаимной помощи студентов–евреев было ранено около десяти студентов–евреев. Университетские власти были вынуждены приостановить занятия. Волнения перебросились на сам город. К студентам присоединились городские низы. Погромы и столкновения продолжались 5 дней. В результате их было ранено несколько десятков человек, еврейская община зарегистрировала случаи повреждения имущества 286 человек на общую сумму более 100 000 злотых. События в Вильно вызвали антисемитские выступления и в других городах, в том числе и на территории Белостокского и Новогрудского воеводств. Чтобы предупредить возможные демонстрации школьной молодежи, школьные власти даже запретили ученикам средних школ появляться на улицах после 17.30 [11, с. 95 – 97].

Антисемитские выступления ВМ продолжались и в следующие годы. Осенью 1933 г. в Вильно и Варшаве началась акция по установлению «гетто лавкового». В 1935 г. кампания достигла своего апогея. Администрация вузов вынуждена была пойти на выделение отдельных мест для поляков и евреев, хотя по этой причине ректор и проректор УСБ в начале 1937 г. подали прошение об отставке.

Из-за студенческих волнений власти неоднократно приостанавливали занятия в Виленском университете. В марте 1938 г. на территорию университета впервые была введена полиция, что являлось исключительным случаем нарушения вузовской автономии. Помимо «гетто лавкового» «эндеки» требовали ограничения доступа евреев в вузы. В рамках этой акции с 1937 г. в Вильно проводились так называемые «дни без евреев», которые с осени 1938 г. превратились в «недели без евреев».

Результатом всех этих антисемитских выступлений было то, что единственной национальной группой польского государства, численность представителей которой сократилась в вузах в предвоенное десятилетие, были евреи – с 8 982 в 1931 г. до 4 790 в 1937 г. [5, с. 150 – 170].

Санационное академическое законодательство.

Следует отметить, что руководство санационного лагеря с самого начала стремилось к установлению своего контроля над вузами и ликвидации засилья «эндеков». Определённые надежды возлагались на проправительственные объединения – СПДМ, ЛМ и «Державную мысль». Но их влияние в среде студенчества и молодой интеллигенции было минимальным. Кроме того, наблюдался процесс радикализации этих союзов, и часть их членов даже переходила в оппозиционный лагерь. Так, в Вильно лидерами Союза студенческой левицы «Фронт» являлись комендант виленского ЛМ С. Ендриховский и один из руководителей местного филиала СПДМ М. Винецкий [12, л. 4 – 8].

Поэтому по инициативе министра религиозных вероисповеданий и общественного просвещения Я. Енджеевича был взят курс на ограничение академической автономии. Согласно проекту нового академического законодательства, ректору разрешалось вызывать на территорию вуза службы безопасности. Одновременно полиции предоставлялось право появляться на территории вуза по собственной инициативе [4, с. 49].

Ограничение академической автономии нашло своё отражение и в распоряжении министра религиозных вероисповеданий и общественного просвещения о студенческих объединениях (апрель 1933 г.). Главным официальным поводом для законодательных изменений стали антисемитские выступления, прокатившиеся по вузам 2-й РП [5, с. 130].

Новое распоряжение разрешало создавать объединения только на территории одного вуза. Строго регламентировались типы союзов – научные, организации взаимопомощи, спортивные, национальные, идейно–воспитательные, культурно–товарищеские. Права юридического лица студенческим объединениям мог предоставить только министр [13, с. 156].

Подробно регламентировался порядок создания объединений, чего не было в законе 1920 г. Устанавливалась минимальная численность основателей организации (для организаций взаимопомощи – 50 человек, для иных – 20). С целью унификации студенческого движения подробно оговаривались требования к уставу создаваемой организации [13, с. 157].

Для поддержки санационных студенческих организаций вводился принцип пропорциональности при выборах руководства студенческих организаций, в которых насчитывалось более 200 членов. В условиях вузов 2-й РП это позволило бы сторонникам санации пробиться на руководящие посты в организации «Братской помощи», которые традиционно находились под влиянием «эндеков». Сами выборы в студенческих организациях были поставлены под контроль ректора, а руко-

водителем избирательной комиссии становился куратор объединения из числа преподавателей [13, с. 158].

Нововведением стал верховный надзор и опека со стороны министра просвещения. Для непосредственного надзора со стороны университетского сената вводилась должность куратора, чего ранее не было. Куратор подчинялся непосредственно ректору и должен был осуществлять контроль над деятельностью своих подопечных, вплоть до роспуска собраний и отмены их решений. Также был введён финансовый контроль со стороны министерства и руководства вуза [13, с. 161].

Ректор получал широкие возможности для дисциплинарного воздействия на студенческие объединения своего вуза. Руководство вуза могло приостановить деятельность студенческого союза или даже распустить его. Это могло произойти в случае нарушения нового распоряжения министра, несоблюдения указаний надзирающих органов, а также в случае проведения противозаконной деятельности. Право приостанавливать деятельность союзов и распустить имел и министр. В экстренном случае приостановить деятельность объединения мог даже куратор [13, с. 162].

Студенческие объединения должны были изменить свои уставы в соответствии с новыми требованиями до конца ноября 1933 г. Иначе они подлежали роспуску с 1 декабря 1933 г. До декабря должна была пройти и реорганизация междууниверситетских студенческих объединений [13, с. 163].

Борьба студенчества за сохранение академической автономии.

Большинство студентов выступило против закона ещё в мае 1932 г., когда стало известно о планах нововведения. Под лозунгом защиты академической автономии объединились даже политические противники – «эндеки» и левые, социалисты. Наибольшую активность проявили националисты, выступившие с идеей студенческой забастовки [5, с. 133].

Забастовки в вузах начались в конце зимы – начале весны 1933 г. В Вильно забастовка началась 2 марта 1933 г. Она сопровождалась блокадой вуза и демонстрациями. 4 марта ректор закрыл занятия. Студенческую манифестацию протеста разогнала полиция. 7 марта ректор и проректор УСБ направили прошение об отставке. Студенты провели бурный митинг, на котором выступили представители как эндеков, так и левых [4, с. 50].

Но виленское студенчество не было единым. К новому законодательству положительно отнеслись Легион молодых и «Державная мысль». Лидеры Легиона молодых сравнивали сторонников автономии с Тарговицкой конфедерацией, обороняющей золотые шляхетские вольности. В Виленском университете санационные организации даже создали Антизабастовочный комитет, который вёл соответствующую агитацию, заявляя, что наибольшие потери от забастовки несут малообеспеченные студенты [5, с. 138]. 7 марта к ректору УСБ с просьбой о возобновлении занятий обратилась делегация «Державной мысли» и корпораций «Вилненсия», «Кресовия» и «Пилсудия». Делегаты осудили забастовку как образец коммунистической акции. 11 марта занятия были возобновлены [4, с. 50].

13 марта забастовка завершилась. Новое законодательство вступило в действие. Но протестные акции продолжились. С осени 1935 г. они активизировались и вновь их возглавили «эндеки», которые добивались восстановления потерянных позиций. Националисты находили поддержку и у части преподавателей. Съезды ректоров (сентябрь 1936 г., апрель 1937 г.) заявили о необходимости внести изменения в законодательство о высшей школе, поскольку волнения делают невозможным проведение занятий.

В результате академическая автономия была частично возвращена. Именно с этой целью вышло новое распоряжение министра просвещения об академических объединениях от 14 октября 1937 г., которое возвращало возможность образования межвузовских студенческих союзов [14, с. 485].

Также отменялся принцип пропорциональности при выборах руководства объединений. Упомянулось лишь о желательности участия представителей меньшинства в руководящих и контролирующих органах объединений взаимопомощи [14, с. 486].

Третьим принципиальным изменением была отмена верховного надзора и опеки над студенческими объединениями со стороны министра просвещения. Министр лишь получал высланный ректором отчёт о деятельности академических объединений [14, с. 487 – 488].

Таким образом, благодаря изменениям польские националисты получали возможность восстановить свои позиции в студенческой среде.

Следует отметить, что параллельно с борьбой за сохранение академической автономии в вузах 2 РП шла активная акция против повышения оплаты за учёбу и изменений в законодательстве о стипендиях. Согласно закону от 18 марта 1933 г., министр религиозных вероисповеданий и общественного просвещения мог распределять 20% стипендиального фонда, а остальная часть денег

должна была распределяться с его утверждения [15, с. 152 – 153]. До этого стипендии самостоятельно распределяли советы университетов, учитывая мнение организаций БП и студенческих научных кружков [5, с. 173]. Таким образом, санация стремилась укрепить своё влияние в университетской среде. Хотя официально нововведения объяснялись необходимостью установления контроля и координации, чтобы ликвидировать злоупотребления и предоставить помощь тем, кто в ней действительно нуждается [16, с. 545].

Но добиться этого не удалось. Повышение платы за учёбу и новый закон о стипендиях встретили массовое сопротивление со стороны студенчества. В середине 1930-х годов в т.н. «антиоплатную акцию» включились не только «эндеки» и левые, но и часть молодёжи из санационных студенческих организаций – ЛМ, СПДМ и «Державная мысль» [5, с. 184]. В январе 1936 г. в Вильно, как и в других вузовских городах 2-й РП, прошла студенческая забастовка. Представители левых выдвинули требование сократить плату за обучение на 40 – 50 %, националисты и находившиеся под их влиянием организации БП – на 33 – 35 %. Под влиянием студенческих выступлений министр просвещения пошёл на некоторые уступки. Была уравнена плата для студентов разных курсов (до этого на младших курсах плата была значительно выше, чем на старших) [5, с. 186].

Заключение. Таким образом, в межвоенный период студенческое движение в Виленском университете приобрело серьёзный размах. При этом наибольшим влиянием пользовались оппозиционные правящему режиму группировки, в первую очередь сторонники польских националистов. Официальным же кругам 2-й Речи Посполитой не удалось достичь особых успехов по завоеванию влияния в студенческой среде. Главной причиной этого стала та непопулярная политика, которая была направлена на ограничение академической автономии и установление контроля над студенческим движением. Против мероприятий санационных властей выступило большинство студенчества, что и вынудило правящий режим 2-й Речи Посполитой пойти на отказ от некоторых нововведений в академическом законодательстве и частичное восстановление университетской автономии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Революционный путь Компартии Западной Белоруссии (1921 – 1939 гг.) / А.Н. Мацко, Н.С. Орехво, Т.Н. Прицыцкая, И.П. Ховратович, А.В. Царюк; Под ред. А.Н. Мацко, В.Е. Самутина. – Минск, 1966. – 420 с.
2. Ляхоўскі, У. Ад гоманаўцаў да гайсакаў. Чыннасць беларускіх маладзёвых арганізацый у 2-й палове XIX ст. – 1-й палове XX ст. (да 1939 г.) / У. Ляхоўскі. – Беласток : Беларускае гістарычнае таварыства, 2012. – 483 с.
3. Серпухаў, У. Беларускія студэнцкія арганізацыі Віленскага ўніверсітэта (1919 – 1939) / У. Серпухаў // *Białoruskie Zeszyty Historyczne*. – 2008. – № 28. – S. 54 – 68.
4. Filipajtis, E. Lewica Akademicka w Wilnie / E. Filipajtis. – Białystok: Towarzystwo Naukowe, 1965. – 71 s.
5. Pilch, A. Studencki ruch polityczny w Polsce 1932 – 1939 / A. Pilch. – Warszawa: PWN, 1972. – 179 s.
6. Ustawa z dnia 13 lipca 1920 r. o szkołach akademickich // *Dziennik Urzędowy Ministerstwa Wyznań Religijnych i Oświecenia Publicznego*. – 1920. – № 20. – S. 260 – 279.
7. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Ф. 884. БСС в Вильно. – Оп. 1. – Д. 53.
8. Terej, J. Organizacje i środowiska młodzieży związanej z głównymi ugrupowaniami obozu narodowego w latach 1939–1945 / J. Terej // *Dzieje Najnowsze*. – 1969. – № 4. – S. 25 – 45.
9. Pruszkowski, A. Przewodnik społeczny / A. Pruszkowski. – Warszawa, 1934. – 292 s.
10. Wapiński, R. Miejsce narodowej demokracji w życiu politycznym II Rzeczypospolitej / R. Wapiński // *Dzieje Najnowsze*. – 1969. – № 1. – S. 47 – 62.
11. Sprawozdanie z życia mniejszości narodowych za IV kwartał 1931 r. – Warszawa, 1932. – 140 s.
12. НАРБ. – Ф. 242 п. Представительство ЦК КПЗБ. – Оп. 1. – Д. 509.
13. Rozporządzenie Ministra Wyznań Religijnych i Oświecenia Publicznego z dnia 30 kwietnia 1933 r. o stowarzyszeniach akademickich // *Dziennik Urzędowy Ministerstwa Wyznań Religijnych i Oświecenia Publicznego*. – 1933. – № 4. – S. 156 – 163.
14. Rozporządzenie Ministra Wyznań Religijnych i Oświecenia Publicznego z dnia 14 października 1937 r. o stowarzyszeniach akademickich // *Dziennik Urzędowy Ministerstwa Wyznań Religijnych i Oświecenia Publicznego*. – 1937. – № 14. – S. 485 – 489.
15. Ustawa z dnia 18 marca 1933 r. o państwowych stypendiach oraz innych formach pomocy dla młodzieży szkół wyższych // *Dziennik Urzędowy Ministerstwa Wyznań Religijnych i Oświecenia Publicznego*. – 1933. – № 4. – S. 152 – 154.
16. Kulesiński, S. Pomoc dla młodzieży akademickiej / S. Kulesiński // *Oświata i wychowanie*. – 1935. – №7. – S. 534 – 545.

THE STUDENT MOVEMENT OF VILNIUS UNIVERSSSITY AND THE POLISH AUTHORITIES IN THE INTERWAR PERIOD

V.I. KRYVUTS

Summary

This article deals with problems of the student movement in the Vilna University named after S. Batory and its relationship with the Polish authorities during the interwar period. Also analyzes the evolution of the law governing the activities of student organizations, regime's attempts to «rehabilitation» to take control of the socio–political life of the university, and students fighting for the preservation of academic autonomy.

© Кривуть В.И.

Поступила в редакцию 18 мая 2013г.